

Валентин КОНОВАЛОВ:

Умный у власти всегда опасен

Кассе. правга. - 1993. - 23 марта.

Валентин Коновалов — художник кино. «Верность», первый фильм Петра Тодоровского, за который он получил Гран-При в Венеции, «Военно-полевой роман», «Интердевочка», «Анкор! Еще Анкор!», «Феодания, рисующая смерть» В. Олейникова — все это и фильмы Коновалова. Отложенная до лучших времен «Капитанская дочка» С. Говорухина — будущее Коновалова. А завтрашний день — «Страсти по Нерону» А. Григоревича, которые уже вот-вот запускаются.

Он наделен талантом — ценить свежую мысль, цепочки неожиданных ассоциаций. Пытаясь остановить такие мгновения, 25 лет делал «Записки на манжетах», и вот теперь выходит его книжка «Записки фрайера»!

— Вася Шукшин, мой вгиковский сокурсник, меня так называл. Я ему: ну, рассказы, рассказы, что это такое... Да ну, говорит, будто ты сам не знаешь. Был бы у меня талант художника, я бы знал, как им распорядиться. Написал бы портрет Брежнева — и вперед! В общем, обвинял меня в неактивности. Он же всегда знал, как надо... на партсобрании выступал... А потом я как-то прочитал у Александра Исачка: фрайера — это все остальное неволовское человечество.

До ВГИКа я пробовал себя в журналистике. Но мне не везло. Если я находил приличного человека, его обязательно съедали. Как-то командировали меня от журнала «Вокруг света» на Шпенскую ГЭС, там я прослышал, что в Саянах живет старик, проводник Пришвина. Я — к нему. Сидят он и она. Ему — 92. В волосах — цветочки, травинки... Косил. Она белоснежно-крахмальная. На стене — три клеенки. На них его друг

изобразил свои баталии — схватки с медведем. Медведи — ярко-коричневые. Небо — лазурно-синее. Кровь и ягоды — пронзительно красные. Все одной краской! Но красиво.. Как ни пытаюсь растормошить старика насчет Пришвина, он все о своем. Тогда деньги поменяли, и он этим жутко возмущался.

А еще, как выяснилось, им запретили держать живность, так он свой уголок Дурова прятал в подвале. Свет провел, проводки всякие соорудил — система шухера. Старуха спускалась — все, что квохчет, тайком кормила. Он же не идиот, чтоб поступать, как прикажут всякие там придурки... Однако понемногу мой старик оттаял, и от него я узнал интереснейшие вещи. Вот, говорит, эти кретины ставят на Енисей огромные электростанции, поливают тайгу всякой гадостью, чтоб их, засранцев, мошка не кусала, а его птички кормятся — они и делают Енисей, его силу, птички. Когда ключ выбьется — медведь его чувствует, идет пить, наступит на него, разрушит. А птичка попьет, и лапками, крылышками все расчистит. Такая нежная птаха делает эту мощь. Интересно? Нежность, проникновение, догадка... делают великие вещи.

— До войны в зоопарке на клетках писали: природа данного животного не изучена. То же можно сказать и о человеке. В старой кинотеке Мюнхена я часами наблюдал — пока охрана волноваться не стала — как люди разных национальностей стремились в возрожденческие залы. Проскакивали Тициана, Тинторетто и, как вкопанные, останавливались перед Рубеном. Навороты тел, «говядина» — это верх? Тициан, Тинторетто

помнили довозрожденческую духовность. Тинторетто вообще нельзя понять по репродукциям. Конечно, какой-то заказной фигуратив он делал. Но все остальное... Если окантовать кусок земли или небо с его полотна, все скажут, что писал современный художник. Такая в этом письме свобода.

Или вот еще очень любят сейчас вздыхать: какая у нас была церковь! Какой был храм Христа Спасителя! Храм этот — просто шкатулка для драгоценностей. И церковь развалилась потому, что прогнила, вышла вся. А не потому, что ее коммуяки угробили. Атеист Грабарь, чтоб вытащить на свет гений Дионисия, считал по несколько словес красотей, которыми того успели подправить и переправить новые иконописцы. Когда попы перестали ценить и понимать внутреннюю значимость — заменили ее сусальной картинкой. И пошел гулять развал.

Мои учителя еще «тогда» намекали, что общепринятая точка зрения, установка — вранье. Может, в противовес «говяжьим ляжкам» я и полюбил Джакомоетти, все творчество которого — антигидицы, антизадницы. Однажды он сделал приспособление, каркас, по сути... Потом вдруг взял, да и отлил это в бронзе. Всех покорила. Самые его потрясающие работы — король с королевой — в Англии. Сидят тонюсенькие такие. Дух.

Почему Валентин больше всего ценит свободу? 12 лет — пока дети были маленькими — он делал плакаты. Полтора на два. Эта школа оставила след не только в биографии.

— На оформительском комбинате был мощный художник. Умные, образованные люди. Они все прекрасно понимали. «Ум, честь и совесть» на на-

шем жаргоне называли «собаками». Так и говорили: туда-то надо три «собаки». В смысле собака лает, ветер носит. Меня как-то попросили сделать 24 плаката — виды отдыха для цеховского санатория. Но я же — формалист, говорю. А им, отвечают, кисленького захотелось. Но 24 вида отдыха?! Мы же знаем один — выпить и закутить. Говорят, напрягись. Купил журнал «НБИ» с прекрасными фотографиями. Вставил его в фонарь и обвел контур на холсте. Чудесный образец реализма! Хотя если философски — чистейший обмен.

— С Тодоровским мы понимаем друг друга с полуслова. А вот с Говорухиным — абсолютно разные. Он солидный. Вокруг него всегда важные люди. Красивые женщины. Я его спрашиваю: чо ты в фильме «Россия, которую мы потеряли» сразу к Ульянову перескочил? Где князь Львов, где Керенский? Они уж до большевиков постарались — все сделали... Когда в Лужниках я попал на этот знаменитый хипеп, где Хрущев с интеллигенцией общался, все думал: а если бы он был еще и умный? Сколько бы наворотил!.. Наверное, недаром в России всегда ценился Иван-дурак. Умный у власти опасен.

...По «Капитанской дочке» я Говорухину говорю: снимите фильм — гимн «пристройке на равных». Термин этот не я придумал. У Ершова есть замечательная работа — «Режиссура, как практическое пособие». Бог так создал нас, что мы можем общаться только в трех видах пристройки: сверху — я вам покажу, снизу — дайте пожалуйста, и на равных. Так вот на равных в России не удается никак, хоть вроде и ста-

линых убрали... Дворянство так воспитывалось — держать пристройку на равных, в любых ситуациях. Говорю, сделай так, что Гринев — единственный, который обладает пристройкой на равных. Остальные — сверху, снизу... и будет у тебя картина. Я много раз себя проверял — например, на Гамлете. Если держать его в пристройке на равных, то остальные — блоги. Потрясающая получается история!

У Валентина дома масса интересных работ. К «Родине электричества» Платонова. В них много юмора, точного попадания в характер, изящная свобода. «Натура, как цветок» — триптих. Бокорые части — уютные интерьеры. Но основная часть работ — в Германии. В Москве так и не удалось сделать ни одной выставку.

— Даже не знаю, почему на Западе так ценят наше искусство. Хотя — нет... Они ценят свободу. У нас она в генах. Пишет художник. Спроси его, зачем это так. А не знает. Рука так пошла... Они заражены прагматизмом. Особенно, католики. У них ребенку мощи показывают — вот что ждет тебя. Смерть. Торопись, выкладывайся, не останавливайся. А нам кажется, что времени впереди навалом.

Я иногда смотрю на себя как бы со стороны — и мне кажется, что, наверное, я очень смешно выгляжу. Несоллидный. Вот чего добились мои сверстники — Горбачев, Ельцин...

Валентин хихикает и дурачится.

— Сколько вам, простите? — Шестьдесят три.

Валентин Александрович, конечно, говорит правду, но все равно — это абсолютная ложь.

Г. АГИШЕВА.